

Ларс Леннрут

**Древность и Средневековье.
Тексты родового общества**

«Public Domain»

1987

Леннрут Л.

Древность и Средневековье. Тексты родового общества /
Л. Леннрут — «Public Domain», 1987

Книга посвящена одной из самых таинственных проблем эпохи викингов –
рунической магии и сакральному знанию тайных знаков, именуемых также
медом поэзии.

Содержание

Древность и средневековье (800–1530 гг.)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Ларс Леннрут

Древность и Средневековье. Тексты родового общества

Древность и средневековье (800–1530 гг.)

На Севере далеком жил когда-то
Великий род – и в мире, и в войне.
В нем не было рабов, господ суровых,
Но каждый был хозяин сам себе.
Свободный бонд владел мечом и плугом,
Жил в мире с Богом и людьми вокруг.
Себе защита, мог помочь другому,
И дети конунгов росли под этим кровом.

Так начинается стихотворение Эрика Густава Гейера «Отчий дом» (1811), это классическое изображение древнего скандинавского общества в шведской поэзии. Идеализированная картина великодушных ётов, – бондов и викингов, – долгое время определяла наши представления о собственной древней истории. Древность выступала перед нами в таинственном свете, словно утраченный золотой век, а ее малочисленные письменные источники – рунические надписи на камнях, саги, Эдда, – словно Священное писание.

Напротив, период, следующий за древностью, – средние века, – часто воспринимался в нашем национальном сознании как мрачная эпоха, когда исконная свобода шведов оказалась под угрозой со стороны властолюбивых католических священников, датских королей, немецких купцов и целой своры жестоких фогтов и наемников. Литературные памятники средневековья – легенды, жития святых, рифмованные хроники, рыцарская поэзия и пр. – которые писались в монастырях и княжеских канцеляриях, в общем и целом ценились не слишком высоко, особенно в сравнении с соответствующей литературой Европы. Большинство произведений объявлялось рабским подражанием чужеземным образцам, которое обычно диктовалось религиозными и политическими соображениями. Единственным светлым исключением в этой мрачной картине называли баллады, или народные песни, и некоторые другие тексты, – например, «Песнь о свободе» епископа Томаса, – видя в них выражение истинно шведского духа, народного и свободолюбивого, в противоположность иностранному давлению. С этой исторической точки зрения, только начиная с эпохи Густава Васы и реформации XVI века в стране возродилась собственно шведская культура, а также и шведская литературная традиция.

Подобное представление о древности и средневековье выступает в своей упрощенно-наивной форме в школьных учебниках, которые ныне отвергаются. Просвещенный и более нюансированный вариант того же представления все еще содержится в большом труде Шюка и Варбурга начала нашего века – «Иллюстрированной истории шведской литературы». И только позднее в нашем столетии национальные мифы об этих ранних периодах были серьезно пересмотрены как историками, так и литературоведами. Сегодня вряд ли отыщется хоть один шведский ученый, который возьмется утверждать, что древность была золотым веком, а средневековье – эпохой тьмы. Историки свели нашу героическую эпоху викингов к периоду, когда скандинавские хёвдинги копили богатства, торгуя рабами, шкурами и прочим товаром. А эпическое творчество, которое в старых изданиях именовалось «древнескандинавским» или

«ётским», позднее стало восприниматься как исключительно исландское или, в некоторых случаях, норвежское, и к тому же часто испытывавшее на себе влияние христианского творчества средних веков. Это касается, к примеру, знаменитых исландских саг. Если же говорить о подлинно шведском творчестве древних времен, то, похоже, от него не осталось почти ничего, заслуживающего внимания. Вслед за Эсайасом Тегнером мы вынуждены признать, что в нашей истории имелись периоды, когда отечественным было лишь варварство.

Что же касается средних веков, то культура этой эпохи в последние годы подверглась переоценке, так что древность и реформация отошли на задний план. К примеру, удалось продемонстрировать, как классическая традиция, идущая от древнеримской литературы, продолжалась в церковном искусстве средних веков, а иногда порождала блестящие образцы, в том числе и в шведской культуре. Отдельные произведения, которые в средние века писались на латыни или на шведском, – например, «Откровения» святой Биргитты, Зрикова хроника, песнопения Бриньольва Альготссона, – относятся к лучшим в своем жанре в Европе, и ценность их нисколько не умаляется тем, что сам жанр как таковой – иностранного происхождения. Это же касается и баллад, которые чаще всего оказываются вовсе не «народными» и которые в большей степени зависели от влияния общеевропейских литературных течений, нежели могли предположить в XIX веке. И если мы сравним нашу средневековую литературу, отмеченную печатью католицизма, с той, что создавалась в первое столетие протестантизма, то заметим, что доктринерской и пропагандистской выглядит скорее последняя.

И все же можно задаться вопросом, не слишком ли далеко заходит в последние годы пренебрежение исследователей средневековья старым, национально-романтическим взглядом на историю? Не рискуют ли при этом совсем позабыть о народном, устном творчестве, которое, несмотря ни на что, все же существовало в Швеции – и во всей Скандинавии, – как в древности, так и в средние века. Не слишком ли усердно отвергают ётский идеал отчего дома, так что уже не способны понять поэзию рун, высеченных на камне, или признать, что исландские саги – наше общее скандинавское культурное наследие, даже если оно в большинстве своем создавалось в Исландии? И не ведет ли наше углубленное изучение средневековой католической культуры к переоценке некоторых скучных педантов от Литературы, только потому, что они стояли на вершине латинского образования своего времени? Вопросы подобного рода важны не только для литературного критика, но и для историка литературы, который стремится понять смысл периодизации в своем предмете. Что такое «древнее» и «средневековое»?

Граница между древностью и средневековьем обычно определяется введением христианства, означавшим не только смену веры, но и изменение всей общественной системы. В Швеции, как принято считать, основные перемены начались в XI веке, то есть почти на столетие позже, чем в Норвегии и Дании. Однако сам вопрос заключается в постепенном, затяжном процессе, который развивался на протяжении всего средневековья. В переходный период XI–XIV веков «древние» и «средневековые» культурные институты сосуществовали вместе, а литература в целом была окрашена обеими традициями. Это означает, что невозможно определить четкую границу между эпохами. Та литература, которая в дальнейшем будет считаться древней, имела своим истоком мир представлений и систему жанров дохристианского скандинавского общества. И большей частью она относилась к IX–XIV векам. Средневековая же литература, напротив, была порождена христианским, европейским обществом и его представлениями и относилась к 1200–1530 годам.

Дохристианское скандинавское общество лишь отчасти напоминало тот идеал, который нарисовал Гейер в «Отчем доме». Конечно же, основной его костяк составляли свободные крестьяне-бонды, но были также рабы и господа. Рабы, или трелли, выполняли тяжелую работу в усадьбе. Они не имели собственности и сами расценивались как собственность своих хозяев. К господам же относились хёвдинг, лагман (законоговоритель, судья), ярл (наместник) и король. В сравнении с простыми бондами они были крупными собственниками, а также имели больше

власти на местных собраниях – тингах, где решались споры, тяжбы и политические конфликты. С другой стороны, социальное расслоение между бондами и знатью было значительно меньше, чем впоследствии в средние века. И те, и другие, в противоположность рабам, считались свободными людьми; их свобода и право собственности уважались, и они обладали правом голоса на тинге. В то время еще не было сильной королевской власти, а потому не было и государства как такового. Король осуществлял свою весьма ограниченную власть в том, что он объезжал свои земли вместе с дружиной, или хирдом. И в каждой земле, или провинции, были собственные законы и обычаи, с которыми короли были вынуждены считаться. Законы, как и религия (вера в асов) и поэтическое творчество, – принадлежали к устной традиции, с ее немногочисленными и своеобразными жанрами, лучше известными в Исландии, но в определенной мере и в Швеции тоже. Это песни Эдды, скальдическая поэзия, саги, загадки, поговорки и пр. Во всех этих жанрах мы встречаем особый язык и специфические представления, которые в целом могут трактоваться как древние, дохристианские, даже если они чаще всего смешаны с христианскими, средневековыми элементами.

Средневековое христианское общество, в сравнении с древностью, значительно более иерархично. В нем доминируют два полюса власти: король и церковь, и власти эти формируются по континентальному образцу. Король, как считалось в этом новом обществе, получал свою власть от Бога и делегировал полномочия вниз по иерархической лестнице, через посредство нового класса знати – рыцарства, или дворянства, который принимал от короля пожалованные в лен состояния, а взамен приносил клятву о верности короне. Сходным образом и епископы делегировали свои полномочия священству. Как мирская, так и духовная власть опиралась теперь на крестьян, которые все больше попадали в подчинение знати, с тех пор как был уничтожен старый институт рабства. Местные законы сводились воедино, а европейские обычаи проникали в страну через королевский двор и церковь, а затем также через города, которые частично были населены немецкими бюргерами. Из городов средневековая культура распространялась в среде крестьянства. Устная традиция уступила место письменной, которая стала играть роль посланника знати и высшего сословия. Наряду со старыми устными жанрами появились новые, относящиеся к письменности и обслуживающие интересы церкви и рыцарства: легенды о святых, проповеди, гимны, поучительные слова, рыцарский роман, рифмованная хроника. Образный язык и мир представлений в этих текстах обнаруживают латинское континентальное влияние – чаще немецкое или французское, – и они существенно отличаются от древнескандинавских поэтических средств, даже если сам мотив и отдельные фразы остаются прежними, отечественными. Так что в теории достаточно легко различить «средневековое» и «древнее» в литературе и обществе.

Но то, что легко в теории, часто бывает сложно на практике. Ни одна из двух моделей общества, представленных выше, – как древняя, так и средневековая, – не существовала в чистом виде в те периоды истории, которые мы здесь рассматриваем. Также и литературные жанры отличались взаимопроникновением, и, например, при чтении наших местных законов не всегда удастся выделить, что в них происходит от древней устной традиции, а что – от средневекового римского права. Даже рунические надписи на камне не свободны от смешанных форм: древнескандинавские языческие кольца дракона и строфы из Эдды соседствуют с христианскими крестами и молитвами латинского происхождения. Древняя литературная среда

Со строго научной точки зрения, в Швеции нет никаких данных о литературной среде в эпоху древности, за исключением немногих смутных намеков в рунических надписях. И если мы хотим понять эти намеки, нам придется обратиться к датским, норвежским и прежде всего исландским источникам, где рассказывается об искусстве скальдов, о слушании саг и о нанесении рунических надписей на гкамни у древних скандинавов. Вправе ли мы использовать посторонние источники? Что касается языка, обычаев, веры и структуры общества, то Скандинавия в древности представляла собой единое целое. Отличие лишь в том, что литературная

культура – как устная, так и письменная – похоже, была выше в западной части Скандинавии, а не в Швеции. В исландских сагах земли свеев выступают почти как языческие и отсталые окраины, лишенные собственной литературной традиции. А те древние скальды, которые, как считается, находились при дворе шведских королей, все были норвежцами или исландцами.

Однако если говорить об основных условиях для литературной деятельности, то нет причин воспринимать Швецию как нечто, существенно отличающееся от остальной Скандинавии. Многочисленные устные поэтические произведения, процветавшие в Исландии и Иррвегии, фрагментарно сохранились также и в шведских рунических надписях, хотя они и редко достигают высокого уровня исландцев. Те же мифы, которые рассказываются в исландской Эдде, были скорее всего известны и в Швеции, судя по изображениям, высеченным на камнях, а также части языковых оборотов в рунических надписях. Прежде всего, мы можем утверждать, что искусство рунического письма было хорошо известно в Швеции. И что касается количества рунических надписей, то Швеция по праву занимает первое место среди других скандинавских стран.

Но литературное применение рун, несмотря ни на что, было весьма ограниченным. Само слово «руна» означало сперва «тайну»; руническое письмо было известно лишь узкому кругу посвященных и использовалось для нанесения очень коротких надписей на дереве, металле или камне; надписи эти часто имели магическое значение. В одной из песен Эдды, «Песни о Риге», написанной в XIII веке, бог Риг научил руническому письму сына хёвдинга, и тот затем стал предком первого конунга. Далее мы узнаем, что речь шла о «рунах спасения жизни» и «рунах долголетия», т.е. о магических письменах, с помощью которых род конунга обрел особую жизненную силу. В другой песне Эдды, «Изречениях Высокого», сам бог Один, обучаясь искусству рун, висит на мировом ясене Иггдрасиль. Также и эти руны использовались в магических целях и были привилегией меньшинства.

Судя по исландским сагам, знание рун передавалось по наследству от отца к сыну, в определенных родах хёвдингов, которые к тому же хранили традиции отправления языческого культа и скальдического искусства. Это утверждение согласуется с самим языком древних шведских рунических надписей, который часто был намеренно темным, неясным, высокопарным, насыщенным загадками, понятными только посвященным.

После введения в Швеции христианства в XI веке рунические надписи приобретают несколько иной характер, отчасти под влиянием христианских надгробий. Они становятся типично памятными надписями, эпитафиями хевдингам и знатным бондам. Подобные камни воздвигались их ближайшими родственниками, с помощью более или менее искусного знатока рун. Подавляющее большинство шведских рунических надписей относится именно к этому периоду, а их содержание, как правило, строится по одному и тому же образцу: «Икс воздвиг этот камень в память об Игреке», – и далее сообщается о том, как умер последний и какие подвиги он успел совершить при жизни, а в конце цитируется какая-нибудь христианская формула, вроде: «Да поможет ему Бог». Некоторые из таких надписей имеют стихотворную форму, чаще всего – в виде краткого и условного памятного стиха в традиционном стиле Эдды. Прежде всего именно такие надгробные стихи позволяют нам сделать некоторые выводы о наличии поэтических жанров в устной традиции.

Руническое письмо в нашей стране продолжало существовать на протяжении многих столетий после введения христианства, хотя монументальные рунические тексты и уступили место более скромным, обычно вырезанным на дереве или различного рода утвари. В торговом местечке Лёдесе на берегу реки Ёта-эльв, к примеру, были найдены деловые послания, написанные рунами; а в крестьянской среде еще в XIX веке использовались так называемые рунические календари. Однако все это вряд ли можно назвать «литературой».

Очевидно, что подавляющее большинство произведений древнешведского литературного творчества принадлежало к устной традиции и ныне утеряно безвозвратно. В противо-

положность Исландии, Швеция, похоже, после введения христианства не имела образованного слоя знати, хранящего литературные традиции и обладающего желанием и способностью закрепить древнее поэтическое творчество на письме. В письменном виде до нас дошли лишь старые законы провинций и отрывочные сведения хроникального типа о королях и исторических событиях. Объяснение этой сдержанности – вовсе не в том, что в Швеции литературный уровень был ниже, чем в Исландии, даже если так представляется на самом деле. Не менее важной причиной могло быть и то, что шведская церковь в средние века проявляла гораздо большую нетерпимость к языческой культуре, нежели исландская: в Швеции христианство утверждалось более длительное время, и шведские миссионеры выказывали больше рвения и воинственности, чем их исландские братья. Сам культурный климат в Швеции раннего средневековья не допускал поэтому мирного сосуществования между язычеством и христианством, как это было в Исландии.

Если мы хотим знать, какими качествами могла обладать среда, в которой создавалась устная литературная традиция в эпоху древности, – в том числе и в Швеции, – то об этом имеются необычайно красноречивые свидетельства, и они доступны для того, кто, несмотря ни на что, принимает в расчет исландские источники. В таких рассказах говорится, например, о скальдах, которые посещают дружину викингов-конунгов и слагают эпические песни в их честь, за что поучают в дар золотое кольцо, меч или щит. Здесь же рассказывается о сыновьях исландских бондов, которые услаждают слух знатных особ сагами и песнями о героях, пока в пиршественном зале между гостями гуляет рог с медом. Говорится здесь и о поэтах, которые владеют даром импровизации и могут сложить песнь с замысловатым стихотворным размером, чтобы только спасти свою голову от королевского гнева или заслужить особую, дорогую награду за свое скальдическое искусство.

Разумеется, большее из того, что говорится о таких скальдах и сказителях древних саг, – недостоверно, а иногда это чистой воды небылицы. И тем не менее это позволяет нам сделать определенные выводы о том, как развивалась устная традиция в Норвегии и Исландии в XIII веке. Так, мы знаем, что некоторые исландские роды были хранителями скальдического искусства и что отдельные их члены путешествовали от одного королевского двора к другому по всей Скандинавии, развлекаая королей и их свиту поэтической декламацией и пересказыванием прозаических саг. Мы знаем также, что эти же роды отвечали за письменную литературу того периода, – и в Исландии, и в Норвегии.

Исходя из имеющихся данных, мы в состоянии интерпретировать сохранившиеся со времен древности шведские фрагменты. Средневековая церковь и латинская письменность

Первые книги появились в Швеции вместе с миссионерами. Еще Ангарий, «апостол Скандинавии», согласно легенде, имел с собой множество богослужебных книг, когда он около 830 года переплыл Балтийское море, чтобы обратить в истинную веру сеев-язычников. Но к сожалению, в пути на него напали викинги, и он лишился своего ценного груза. Потребовалось не одно столетие, чтобы церковь укрепила свои позиции в нашей стране и смогла заменить руническое письмо новым, основанным на латинском алфавите, с тем чтобы переписывать рукописи или ввозить их в Швецию.

Вначале появились именно ввезенные, чужеземные богослужебные книги на латинском языке, и подобными им были старинные рукописные фрагменты, созданные в Швеции, скорее всего в конце XII века. Только с середины XIII века появляются отдельные труды на шведском языке, и уже в XIV веке возникает то, что с полным правом может быть названо шведским средневековым письменным творчеством, созданным по преимуществу на основе чужеземных образцов. Таким образом, между прибытием в Швецию первых миссионеров и появлением первых письменных памятников шведского средневековья прошло около пятисот лет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.